

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Миротворчество и Глобальный Юг

THEMATIC DOSSIER: Peacekeeping and the Global South

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434

EDN: EYISPO

Научная статья / Research article

Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы

Я.Н. Аду¹ , С.А. Бокерия¹ , Д.А. Дегтерев^{2,3,4} ,
А.Б. Мезяев⁵ , П.В. Шамаров⁶

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

³НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация

⁴МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

⁵Университет управления «ТИСБИ», Казань, Российская Федерация

⁶Академия военных наук, Москва, Российская Федерация

 bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Представлены контуры исследовательской программы по миротворчеству и миростроительству, представляющей интересы незападных стран (мирового большинства). В основу статьи легли как отдельные наработки ее авторов — экспертов в области теории и практики миротворчества, международного права и международной помощи, так и обобщенные выводы восьми научных семинаров по незападному миротворчеству, проведенные кафедрой теории и истории международных отношений РУДН в 2020—2021 гг. с участием российских и ведущих международных экспертов. Особое внимание в работе уделяется текущему моменту в международном миротворчестве, связанному с «властным транзитом» (от США к КНР, и шире — от Запада к не-Западу) и силовым вакуумом, который наблюдается в ряде регионов мира. Делаются выводы о кризисе гуманитарных интервенций и системы «либерального миротворчества» в целом. Вместе с тем подробно рассматриваются сохраняющиеся инструменты западной структурной власти в области миротворчества, охватывающие как кадровое представительство в ООН и практику «кураторства» (penholding), так и дискурсивную гегемонию «коллективного Запада». Исследуются основные направления развития незападного академического дискурса в сфере миротворчества и миростроительства в контексте построения многополярного мира. Сделан акцент на проблематике региональных систем прав человека в контексте защиты гражданского населения и постконфликтного миростроительства. Авторы приходят к выводу, что незападные страны сегодня существенно влияют на формирование международных норм в сфере миротворчества (rule-changers), но пока не выступают в роли нормоустанавливающих акторов мировой политики (rule-makers).

© Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: миротворчество, незападные ТМО, теория миротворчества, ООН, реформы, постзападный мир, новая биполярность, многополярность, конфликты, операции по поддержанию мира, ОПМ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Д.А. Дегтерев — Введение, Миротворчество в период «властного транзита», Рудименты либерального миротворчества, Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?, Заключение; С.А. Бокерия — Дискурсивная гегемония; А.Б. Мезяев — Рудименты либерального миротворчества, Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?; Я.Н. Аду — От псевдоуниверсальности к учету региональных прав человека; П.В. Шамаров — Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках деятельности Центра прикладного анализа международных трансформаций ФГСН РУДН (ЦПАМТ РУДН) по Программе грантовой поддержки РУДН 2023 г.

Для цитирования: Аду Я. Н., Бокерия С. А., Дегтерев Д. А., Мезяев А. Б., Шамаров П. В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 415—434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>

Non-Western Peacekeeping as a Factor of a Multipolar World: Outlines of Research Program

Yao N. Adu¹, Svetlana A. Bokeriya¹✉, Denis A. Degterev^{2,3,4},
Alexander B. Mezyaev⁵, Pavel V. Shamarov⁶

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³HSE University, Moscow, Russian Federation

⁴MGIMO University, Moscow, Russian Federation

⁵TISBI University of Management, Kazan, Russian Federation

⁶Academy of Military Sciences, Moscow, Russian Federation

✉bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. This paper describes the contours of a research program on peacekeeping and peacebuilding, representing the interests of Non-Western countries (the world's majority). The article is based on both individual developments of its expert authors in the theory and practice of peacekeeping, international law and development cooperation, as well as on generalized conclusions of eight international workshops on Non-Western peacekeeping, held by the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University in 2020—2021 with the participation of leading Russian and international experts. Particular attention is paid to the current moment in international peacekeeping associated with the “power transit” (from the United States to China, and more broadly, from the West to the Non-West) and the power vacuum observed in a number of regions. Conclusions are drawn about the crisis of humanitarian intervention and the system of liberal peacekeeping in general. At the same time, the remaining instruments of Western structural power in the field of peacekeeping are examined in detail, covering both personnel representation in the UN and the practice of ‘penholding,’ as well as the discursive hegemony of the “Collective West.” The main directions in the development of Non-Western academic discourse in the field of peacemaking and peacebuilding are explored in the context of building a multipolar world. Special attention is paid to the problems of regional human rights systems in the context of the protection of civilians and post-conflict peacebuilding. The study concludes that Non-Western countries have a significant influence on the formation of international norms in the field of peacekeeping (rule-changers), but so far do not act as norm-setting actors in world politics (rule-makers).

Key words: peacekeeping, Non-Western IR, theory of peacekeeping, UN, reforms, post-Western world, new bipolarity, multipolarity, conflicts, peacekeeping operations, PKOs

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. *D.A. Degterev* — Introduction, Peacekeeping in the period of “power transit”, Vestiges of “liberal peacekeeping”, How to return peacekeeping to its original meaning?, Conclusion; *S.A. Bokeriya* — Discursive hegemony; *A.B. Mezyaev* — Vestiges of liberal peacekeeping, How to return peacekeeping to its original meaning?; *Y.N. Adu* — From pseudo-universality to addressing regional human rights; *P.V. Shamarov* — How to return peacekeeping to its original meaning?.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the activities of RUDN Center for Applied Analysis of International Transformations within the framework of the RUDN University Grant Support Program 2023.

For citation: Adu, Y. N., Bokeriya, S. A., Degterev, D. A., Mezyaev, A. B., & Shamarov, P. V. (2023). Non-Western peacekeeping as a factor of a multipolar world: Outlines of research program. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 415—434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>

Введение

Как известно, государство в пределах своих границ обладает монополией на насилие, которое от его имени реализуют национальные силовые структуры. В существующей системе международных отношений, сформировавшейся после Второй мировой войны, согласно ст. 24 Устава Организации Объединенных Наций (ООН), «главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности» членами ООН возложена на Совет Безопасности (СБ)¹. В свою очередь, СБ ООН санкционирует проведение миротворческих операций, которые призваны устранять угрозы международной безопасности.

Миротворчество не существует само по себе, в вакууме, а является инструментом коллективной наднациональной силовой политики, целеполагание в которой определяется доминирующими представлениями о вызовах и угрозах международной безопасности (Paris, 2023). Важную роль в формировании данных представлений играют постоянные члены СБ ООН, однако результирующий вектор зависит от конкретного соотношения сил на мировой арене в конкретный момент времени.

Так, в период холодной войны силовая составляющая в мировой политике определялась деятельностью НАТО (США и их союзников) и Организацией Варшавского договора (ОВД) (СССР и их союзников), а также

системой соглашений о стратегической стабильности. Каждый из военных блоков имел свой пул политических союзников в стенах ООН, что легитимизировало деятельность каждого из блоков.

В 1990—2000-е гг. была упразднена ОВД, подвергнута эрозии система представительства в ООН интересов незападных стран, составляющих мировое большинство, демонтирована система соглашений о стратегической стабильности. НАТО как структурная сила «коллективного Запада» в сфере безопасности (Strange, 2004, pp. 45—63) приобрела квазиглобальный характер. В период «однополярного момента» (Krauthammer, 1990) «коллективный Запад», получивший временное силовое преимущество, использовал его для продвижения своих ценностных подходов и преставлений о миротворческой деятельности, искажая ее первоначальный характер, что привело к «политико-правовой аберрации международного миротворчества» (Шамаров, 2020).

Де-факто ООН стала превращаться в элемент структурной силы «коллективного Запада». В самом деле, сопряжение военного потенциала отдельных западных стран, НАТО, Европейского союза (ЕС) и миротворцев ООН (в разной комбинации) стало решающей и безальтернативной многосторонней силой, приведшей к разрушению целого ряда государств (Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии). В мировой политике наступил «1984»-й с двоимыслием по Дж. Оруэллу: «Война — это мир»². За фасадом красивых слов «миротворчество», «миролюбие»

¹ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

² Оруэлл Дж. 1984. Москва : АСТ, 2021.

(Миротворчество и миролюбие в Африке..., 2019) скрывалось причинение неисчислимых страданий для сохранения «гегемонистской стабильности».

Однако в последние годы кардинально изменился баланс сил на международной арене (Degterev, 2019), настала эпоха «властного транзита (переход глобальной власти от США к КНР, шире — от «коллективного Запада» к «коллективному не-Западу») (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021) и пришел «постлиберальный момент в миротворчестве ООН» (Dunton, Laurence & Vlavonou, 2023, p. 218). Концептуальные основы нового, *незападного* миротворчества (как антитезы либеральному западному) во многом зависят от успешной концептуализации представлений о войне и мире, прежде всего характерных для России и Китая, — двух постоянных членов СБ ООН.

В свое время русский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс предложил свое видение мирного разрешения споров между государствами (Мартенс, 1996). Были созданы две Гаагские мирные конференции (1899 и 1907 г.), в ходе которых конкретизированы основные принципы урегулирования разногласий того времени. В настоящее время РФ как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава»³ также обладает уникальными возможностями для «культурной триангуляции», то есть обобщения опыта миротворчества и миростроительства различных стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки, что признают и зарубежные эксперты (Mine, 2023, pp. 48—49).

Для анализа опыта стран Глобального Юга кафедра теории и истории международных отношений РУДН в 2021—2022 гг. провела серию из восьми научных семинаров по незападному миротворчеству с участием нескольких сот ведущих экспертов в сфере миротворчества⁴. Переосмысление данного

опыта во многом легло в основу данной статьи. Структурно она состоит из несколько частей. Вначале речь идет о специфике текущего этапа развития миротворчества («Миротворчество в период „властного транзита“»), разбираются элементы структурной силы «коллективного Запада» в сфере миротворчества («Рудименты либерального миротворчества», «Дискурсивная гегемония»). Далее представлены направления «перезагрузки» современного миротворчества («Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?», «От псевдоуниверсальности к учету региональных прав человека»).

URL: <https://youtu.be/HHrRdAshveM> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар по теории миротворчества. Часть 2 // ЦПАМТ РУДН. 31.03.2021. URL: <https://youtu.be/08WXBb5LRTw> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Дилеммы современного миротворчества в Западной Африке» // ЦПАМТ РУДН. 16.06.2021. URL: <https://youtu.be/YEefyIw-xi0> (дата обращения: 21.05.2023); Scientific Workshop “Peacekeeping Issues in the Horn of Africa” // Center for Applied Analysis of International Transformations. October 18, 2021. URL: <https://youtu.be/b0YVXt7hRoI> (accessed: 21.05.2023); Научный семинар «Дилеммы современного миротворчества в районе Великих Африканских Озер» // ЦПАМТ РУДН. 29.11.2021. URL: <https://youtu.be/tMyGUqxjLu4> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество в Юго-Восточной Азии». Часть 1 // ЦПАМТ РУДН. 21.04.2022. URL: https://youtu.be/V_BQfn_ipIk (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество в Юго-Восточной Азии». Часть 2 // ЦПАМТ РУДН. 21.04.2022. URL: <https://youtu.be/rx1IMKB2z8w> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество, миростроительство и посредничество на Ближнем Востоке» // ЦПАМТ РУДН. 11.10.2022. URL: <https://youtu.be/vHU71bht3x4> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество, миростроительство и посредничество в Латинской Америке» // ЦПАМТ РУДН. 22.11.2022. URL: https://youtu.be/Ci8Y9xLYeoM?si=5_oQ9tV5VTY154bT (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Незападное миротворчество». Часть 1 // ЦПАМТ РУДН. 08.12.2022. URL: https://youtu.be/JrXy_2fCHU8 (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Незападное миротворчество». Часть 2 // ЦПАМТ РУДН. 08.12.2022. URL: <https://youtu.be/JXZlfmvnaXU> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Незападное миротворчество». Часть 3 // ЦПАМТ РУДН. 08.12.2022. URL: <https://youtu.be/7Y0hHjsRMXE> (дата обращения: 21.05.2023).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 21.05.2023).

⁴ См.: Научный семинар по теории современного миротворчества. Часть 1 // ЦПАМТ РУДН. 31.03.2021.

Миротворчество в период «властного транзита»

1990—2000-е гг. стали периодом экспансии либерального интервенционизма в международном миротворчестве и миростроительстве, когда целые государства и даже регионы переформатировались по западным «лекалам». Бюджеты и персонал миротворческих операций ООН достигли своего пика к 2012 г. С 2014 г. не было объявлено ни одной новой крупной миротворческой операции (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 217). По мере становления многополярного мира операции гуманитарного вмешательства с каждым разом проводились «со все большим скрипом» (важным поворотным моментом стал ливийский кризис), пока, наконец, окончательно не забуксовали в Сирии в середине 2010-х гг.

В ответ на поддержку «коллективным Западом» антиасадовской коалиции западные страны стали поддерживать правительство Б. Асада, что привело к прокси-войне — феномену, характерному для холодной войны (Худайкулова, 2016). На этом фоне возрастает роль «средних держав» (Турции и Ирана) с их особым видением «позитивного мира» (Ранджбар, Чикризова, 2023), подходами к борьбе с терроризмом (*Non-Western Responses to Terrorism*, 2019), притом, что РФ выступает в качестве важного стабилизирующего актора в Сирии с согласия легитимного правительства. Украинский кризис и начало Специальной военной операции (СВО) лишь подтвердили дальнейшую неспособность западной коалиции одерживать победы в силовых операциях против западных стран.

По мере вывода американских войск из Афганистана и сокращения американского (и натовского) присутствия в Сирии и Ираке в Евразии (особенно на Ближнем Востоке) начинает ощущаться силовой вакуум. Западные силовые акторы оказывают все меньшую поддержку миротворческим усилиям, а западные — все более ожесточенно дискутируют о политических целях военных интервенций (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 216). Возрастает роль западных акторов

в концептуализации миротворческих подходов (Badache, Hellmüller & Salaymeh, 2022). По мере расширения участия КНР в деятельности международных организаций и глобальном управлении (Грачиков, Сюй, 2022) существенно возрастает активность китайского миротворчества (Дубровский, Худайкулова, 2022; Khudaykulova, 2019). Китайские подходы (в том числе достижение долгосрочного мира посредством улучшения социально-экономической ситуации) разделяют и многие африканские страны, что вызывает особую озабоченность западных экспертов (Paris, 2023, pp. 238, 241). По ряду параметров Китай уже начинает задавать тренды, при этом относясь (по западной классификации) к «незападным и нелиберальным» провайдерам безопасности (Fung, 2022).

Налицо также кризис концептуальных основ западного мироустройства и миростроительства, ведь говорить (даже в США!) о реальном развитии гражданского общества и продвижении демократических ценностей в Афганистане и Ираке после интервенций стоимостью в триллионы долларов не готовы даже самые лояльные политики и эксперты⁵. Таким образом, либеральный интервенционизм оказался во многом дискредитирован, в том числе в рамках западной академической науки.

Фактически роль ООН как глобального провайдера безопасности снижается, наблюдается переход к «ограниченному миротворчеству» и операциям «с наименьшим общим знаменателем», то есть с минимальной по политическим задачам силовой составляющей, относительно которой вырабатывается консенсус среди западных и западных стран (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 216).

⁵ Дегтерев Д. А. «Распространяя прогресс за пределами программ помощи»: возвращение либерального мессианства в американскую политику содействия международному развитию // *Россотрудничество*. 24.04.2023. URL: <https://rs.gov.ru/news/rasprostranyaya-progress-za-predelami-programm-pomoshhi-vozvrashhenie-liberalnogo-messianstva-v-amerikanskuyu-politiku-sodejstviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (дата обращения: 21.05.2023).

Данный феномен ведущие западные эксперты называют «прагматичным миротворчеством». По сути, это эвфемизм для обозначения кризиса либерального интервенционизма. В 2023 г. на эту тему вышел специальный выпуск «Журнала вмешательства и государственного строительства» (*Journal of Intervention and Statebuilding*) под названием «Многополярность и прагматичное миротворчество» (Cassin & Zyla, 2023; Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023; Karlsrud, 2023; Paris, 2023).

На этом фоне возрастает роль отдельных стран и региональных организаций как провайдеров безопасности, вплоть до того, что Дж. Карслруд предлагает сосредоточиться на новом типе миротворчества — Миссии ООН по поддержке (операций других акторов) (Karlsrud, 2023, pp. 264—266). Однако у региональных акторов есть ряд «врожденных» ограничений. Так, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) изначально была создана как политическая организация, призванная бороться с тремя «силами зла» (сепаратизмом, терроризмом, экстремизмом), и не выступает в качестве классического гаранта региональной безопасности. Достаточно интересный, самобытный опыт миротворчества накоплен Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Вершинина, Колдунова, Куклин, 2023). Нормативные и ценностные подходы, апробированные в рамках АСЕАН и ШОС, представляют интерес в контексте концептуализации незападного миротворчества (Хонрада, Бокерия, 2023).

В январе 2022 г. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) при доминирующей роли и участии России успешно провела миротворческую операцию в Казахстане (Сысоева, 2023; Шамаров, 2022b), однако целью организации является обеспечение независимости, территориальной целостности и суверенитета исключительно шести государств-членов. Сохраняется стабилизирующая роль российских миротворцев в Приднестровье и в Нагорном Карабахе (Шевчук, 2023; Любимов, Шамаров, 2022, с. 18—19).

В Африке наблюдается динамичное изменение соотношения внерегиональных сил, обеспечивающих безопасность. Так, в последние годы РФ достаточно успешно выступает альтернативным провайдером безопасности в таких странах, как Центральноафриканская Республика (ЦАР)⁶ и Мали на фоне того, как западная коалиция во главе с Францией, координирующей как национальные силы, так и операции ЕС и опосредованно — ООН, постепенно уходит из региона (Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022). Фактически на континенте развивается «силовой декаплинг», когда страны выбирают один из силовых блоков в контексте «новой биполярности» (Vasiliev, Degterev & Shaw, 2023, pp. 6—8).

Африканская архитектура мира и безопасности развита слабо, равно как и применение формулы «Африканские решения для африканских проблем»⁷, при этом ключевую роль в борьбе с терроризмом в Сахеле играют *ad hoc* структуры: «Сахельская пятерка» и Многонациональная совместная целевая группа (*the Multinational Joint Task Force, MNJTF*) (Dieng, 2019; Welz, 2022). Роль региональных организаций в Африке на данный момент в целом неоднозначна. Остро стоит вопрос об агентности (субъектности) Африканского союза (АС), Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) и других субрегиональных организаций, ведь ЕС, США и бывшие метрополии, финансируя основную часть миротворческих бюджетов данных структур, во многом контролируют принятие ими решений (Аду, Мезяев, 2023; Дегтерев, 2023, с. 264—267).

Как ни парадоксально, но фактически в рамках западнцентричного мира роль региональных организаций Глобального Юга заключается в первую очередь в сдерживании регионального гегемона от распространения его влияния, в том числе силового, в регионе. Кроме того, в ст. 4 Учредительного акта АС одно за другим идут во многом

⁶ См. статью А.Л. Бовдунова в этом номере (*Прим. ред.*).

⁷ См. статью Т.С. Денисовой и С.В. Костелянца в этом номере (*Прим. ред.*). См. также: (Бокерия, 2022).

конфликтующие положения «g» («невмешательство любого государства-члена во внутренние дела другого») и «h» («право Союза вмешаться в дела государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в связи с серьезными обстоятельствами, а именно военные преступления, геноцид и преступления против человечности»)⁸. В перспективе, по мере продвижения «властного транзита», ожидается не только переход отдельных стран, но и целого ряда региональных организаций Глобального Юга в орбиту влияния не-Запада.

Традиционно на площадке ООН ведутся дебаты о путях реформирования миротворчества (Никитин, 2016; Худайкулова, 2019; Загорский, 2015; Заемский, 2004), но при существующей конфигурации международной системы, при которой наблюдается усиление не-Запада как провайдера безопасности при доминировании Запада как регулятора безопасности (см. ниже), потенциал данных действий ограничен. Скорее всего, после завершения «властного транзита» и выхода на стратегическую стабильность уже в рамках «новой биполярности» будут институционализированы постзападные механизмы обеспечения глобальной безопасности. Новые нормы позволят зафиксировать изменившееся соотношение сил и на какое-то время остановить силовое противостояние (Давыдов, 2002). Однако выработать концептуальные основы постзападного миротворчества необходимо уже сегодня.

Рудименты либерального миротворчества

Несмотря на снижение своего влияния в мировой экономике и менее очевидное — в мировой политике, «коллективный Запад» по-прежнему сохраняет за собой ключевые рычаги управления международным миротворчеством. На первый взгляд это не столь очевидно, поскольку с формально-юридической точки зрения, например, число

граждан РФ и ряда других незападных стран среди чиновников ООН более чем достаточно (РФ традиционно относится к числу стран, которые «перепредставлены» в организации). Однако это поверхностная оценка. Как и в случае с определением суверенитета, необходимо более глубокий анализ: существует ли только юридический (формальный) суверенитет или же имеется и эмпирический (Jackson & Rosberg, 1982). Западные эксперты отмечают, что контрольный пакет ооновского миротворчества принадлежит западной «тройке» постоянных членов СБ ООН (P3) в составе США, Великобритании и Франции (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 217). Рассмотрим ниже ряд инструментов, позволяющих Западу сохранять контроль над миротворческими операциями ООН.

Нами был проведен глубокий анализ кадрового потенциала миротворческих подразделений ООН (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022, с. 84—85), который показал следующее. За разработку политики планирования и проведения миротворческих миссий отвечает Департамент миротворческих операций ООН. Начиная с 1997 г., то есть последние 25 лет, данный департамент неизменно возглавляет представитель Франции. Должность «начальника миротворцев» последовательно занимали Бернар Мийе (1997—2000 гг.), Жан-Мари Генно (2000—2008 гг.), Ален Лерой (2009—2011 гг.), Эрве Ладсу (2011—2017 гг.), Жан-Пьер Лакруа (2017 — н.в.). Для Франции это дополнительная возможность управлять конфликтами и контролировать миссии ООН в зоне ее традиционных интересов — франкоязычной Африке (Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022).

Хотя миротворческие контингенты ООН на 2/3 состоят из граждан порядка 20 развивающихся стран, возглавляют их преимущественно представители западных стран. Например, Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (*the UN Multidisciplinary Integrated Stabilization Mission in Mali*, MINUSMA, MINUSMA) численностью 14 тыс. миротворцев возглавляют около 15 французских офицеров, которые в контакте с руководством Департамента

⁸ Constitutive Act of the African Union // African Union. 2000. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (accessed: 21.05.2023).

миротворческих операций ООН обеспечивают продвижение интересов «коллективного Запада», используя человеческий потенциал незападных стран. По мере углубления конфликта между «коллективным Западом» и незападными странами в контексте «властного транзита» КНР — США, особенно обострившегося после начала СВО, говорить об использовании вооруженных сил под эгидой ООН «в общих интересах»⁹, к сожалению, уже не представляется возможным.

Не менее интересная тенденция прослеживается в части руководства Департаментом по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ). В компетенцию Департамента, образованного в результате слияния Департамента по политическим вопросам (существовал с 1992 г.) и Управления по поддержке миростроительства, входят наиболее чувствительные и неоднозначные по своему характеру проблемы государственного строительства и управления политическими полевыми миссиями. В период с 1952 по 1993 г. его предшественник — Департамент по политическим вопросам и делам Совета Безопасности, затем Департамент по политическим вопросам — возглавляли представители СССР/России. Эта практика была прервана двухлетним руководством представителя Сьерра-Леоне, за которым последовало бессменное руководство представителей «коллективного Запада» в духе «однополярного момента». С 2007 г. (16 лет) «бразды правления» ДПВМ удерживают США. Нынешний его руководитель — Розмари Дикарло, специализировавшаяся во время учебы на современной литературе и славянских языках, ранее занимала пост заместителя постоянного представителя США при ООН.

Гражданство старших должностных лиц ДПВМ на местах также подтверждает тренд доминирования граждан западных государств. 14 из 21 специальных и личных представителей, посланников и советников Генерального секретаря, деятельность которых

входит в сферу ответственности ДПВМ, представляют страны «коллективного Запада» (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022, с. 84—85).

В целом, по состоянию на конец 2020 г., наибольшее количество руководящих должностей (Д1 — Д2, то есть директора департаментов и выше, из общего числа в 380) занимали представители Западной Европы и Северной Америки. Максимальное количество таких должностей приходилось на выходцев из следующих стран: США — 43, ФРГ, Великобритания, Италия — по 18, Франция — 16, Канада — 14. Все это страны «коллективного Запада», причем непосредственно входящие в НАТО. Среди незападных стран наибольшее количество руководящих должностей закреплено за Индией (14), КНР (13), Россией (9) и Египтом (7). В общей сложности представители стран «коллективного Запада» занимают в несколько раз больше руководящих должностей в ООН, чем представители стран «коллективного не-Запада».

Такое неравномерное распределение объясняется финансовыми затратами стран, однако вряд ли оно изменится даже в среднесрочной перспективе. Более того, многие представители развивающихся стран после назначения на руководящие посты в системе ООН принимают гражданство западных стран. Примечательно, что «конфликтная биполярность» побуждает и западных экспертов внимательно анализировать кадровый состав ООН (Levin, 2023).

Кроме того, речь идет о сложившейся в последние десятилетия в СБ ООН системе «пенхолдинга» (*penholding*), то есть так называемого *кураторства* в отношении определенных стран и ситуаций. Именно кураторы готовят проекты резолюций по тем или иным вопросам, что дает им привилегированное положение в отношении того, что включать, а что не включать в указанные проекты. Удивительно, но бывшие колониальные державы «оказались» кураторами по ситуациям в своих бывших колониях. Причем в ряде случаев такими кураторами стали государства-агрессоры в отношении ситуаций в странах — жертвах их агрессии. Так, например,

⁹ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

Франция «стала» куратором ситуаций в своих бывших колониях (Мали, ЦАР), а США — куратором по Судану, который они бомбили в 1998 г.

Система кураторства позволяет соответствующим странам игнорировать позиции не только самого курируемого государства, но и всех иных заинтересованных сторон. Так, например, Франция как куратор ситуации в ЦАР систематически игнорирует позицию правительства этой страны, Африканского союза, Международной конференции по району Великих озер и, наконец, всех трех постоянных африканских членов Совета Безопасности (А3) по вопросу отмены оружейного эмбарго¹⁰. В очередной раз Франция представила свой (в порядке реализации кураторства над ЦАР) проект резолюции СБ ООН на заседании Совета 27 июля 2023 г., где вновь не был решен вопрос о праве правительства Центральной Африки на закупку оружия. Россия и Китай воздержались при голосовании именно в связи с игнорированием куратором позиции правительства ЦАР и африканских государств¹¹.

Система кураторства остается важным механизмом контроля важнейших действий СБ ООН со стороны «коллективного Запада». Неформальный характер этой системы также препятствует реальному контролю или участию заинтересованных государств. Так, после того, как 16 июня 2023 г. Республика Мали публично отклонила Францию в качестве куратора по Мали в СБ ООН, Франция, тем не менее, сохранила свою позицию и продолжает готовить проекты резолюций по ситуации в стране.

Перехват «коллективным Западом» контроля над миротворческими операциями был даже своеобразным образом задокументирован в судебном порядке. В частности, в ходе

судебных процессов в Международном трибунале по бывшей Югославии ряд обвиняемых, прежде всего бывший президент Союзной Республики Югославии С. Милошевич, представили убедительные доказательства того, что руководители и сотрудники Миссии ООН в странах бывшей Югославии выступали в поддержку одной из сторон вооруженного конфликта и даже непосредственно участвовали в военных действиях против другой стороны. Стенограммы заседаний Международного трибунала по бывшей Югославии и в значительной мере Международного трибунала по Руанде являются важным свидетельством процесса перехвата «коллективным Западом» управления миротворческими операциями ООН и последующего использования этих миссий для юридического закрепления агрессии Запада в органах международной уголовной юстиции (Мезяев, 2006).

К 2000-м гг. ряд миротворческих миссий превратились в прямые силовые инструменты нового колониализма (неоколониализма нового типа) (Бокерия и др., 2022, с. 679—680), а некоторые из них стали выполнять функции охраны террористических групп от военных и полицейских операций правительств соответствующих государств, например в Мали. По этой причине 16 июня 2023 г. министр иностранных дел Республики Мали призвал к немедленному прекращению Миссии ООН в Мали (МИНУСМА), заявив, что Миссия не смогла должным образом отреагировать на ситуацию с безопасностью в стране, а перспективы продолжения ее деятельности не отвечают потребностям малийского народа в плане безопасности. Более того, власти Мали отвергли и предложения Генсека ООН по модификации МИНУСМА¹². 30 июня 2023 г. СБ ООН проголосовал за прекращение деятельности миссии¹³.

¹⁰ Security Council, 78th year: 9352nd meeting, Tuesday, 20 June 2023, New York // UN Digital Library. June 20, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4013918?ln=en> (accessed: 21.06.2023).

¹¹ Security Council, 78th year: 9388th meeting, Thursday, 27 July 2023, New York // UN Digital Library. July 27, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4017203?ln=en> (accessed: 28.07.2023).

¹² Security Council, 78th year: 9350th meeting, Friday, 16 June 2023, New York // UN Digital Library. June 16, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4013656?ln=en> (accessed: 21.06.2023).

¹³ Security Council, 78th year: 9365th meeting, Friday, 30 June 2023, New York // UN Digital Library. June 30, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4014353?ln=en> (accessed: 01.07.2023).

Важным элементом структурной власти «коллективного Запада» в сфере миротворчества является наличие целого ряда правозащитных организаций с разветвленной структурой. Многие из них работают непосредственно «в полях», являясь первоисточниками информации по военным конфликтам и военным преступлениям. При этом отсутствие западных представителей на проблемных территориях не позволяет сформировать достоверную и альтернативную точку зрения. В Российской Федерации, в том числе в контексте украинского кризиса, продолжающегося с 2014 г., потенциал таких структур явно недостаточен (Худайкулова, 2014). Аналогичная ситуация наблюдается и в других западных странах. Предвзятую позицию в освещении тех или иных вооруженных конфликтов в дальнейшем продвигают ведущие мировые СМИ, формирующие структурную силу «коллективного Запада» в коммуникационной сфере (Дегтерев, 2022, с. 363—366).

Дискурсивная гегемония

Однако основной элемент структурной власти Запада в сфере миротворчества нематериален. Это доминирование в академическом сообществе и исследованиях миротворчества, — при этом западная наука в данной области остается в большинстве случаев «провинциальной» (Соколов, Титаев, 2013). Продвигаемые Западом нормы, как правило, начинают господствовать и приобретают универсальный характер, вытесняя «плохие локальные практики» западного мира (Acharya, 2016, p. 1158).

«Коллективный Запад» контролирует дискурс, смыслы, убеждения, устанавливая и регулируя нормы и ценности, в том числе отраженные в учебных материалах и стандартах подготовки «голубых касок» (Dunton, Laurence & Vlavoṃou, 2023, p. 225), а значит, и целеполагание. Западная дискурсивная сила в области международного миротворчества и миростроительства по факту приобрела безальтернативный характер, получив максимальное распространение в рамках конвенциональной академической традиции, научных

журналов, входящих в основные библиометрические системы мира, а также в Секретариате ООН¹⁴. Из 20 лауреатов Нобелевской премии мира и премии по экономике, сотрудничавших с ООН до 2009 г., только двое были представителями западного мира (К. Аннан и А. Сен) (Acharya, 2016, p. 1157).

Отсутствие прямого указания на миротворчество в Уставе ООН и отсутствие официальной доктрины миротворчества ООН привело к расширительному толкованию, исходя из узкогрупповых интересов стран Запада, любых форм миротворчества без учета положений международно-правовых документов. Миротворчество рассматривается в качестве альтернативы системе коллективной безопасности, закрепленной в Уставе ООН, и выстраивается практика миротворчества с явными и подразумеваемыми возможностями для интерпретации глав VI и VII Устава ООН¹⁵. Одним из примеров расширительного толкования миротворческой деятельности ООН стала «виртуозная» разработка тематики безопасности общества и человека (концепция *human security*), которая отодвинула на второй план дебаты по вопросам предотвращения кризисов, государства и суверенитета.

Неоднозначность самого понятия «миротворчество» и различия в понимании его смысла также сыграли немалую роль в возникновении споров о «вмешательстве». Одни исследователи отождествляют вмешательство с военной интервенцией, другие — с дипломатическим давлением, применением политических или экономических санкций (Benner, 2013). Аналогичная проблема, связанная с отсутствием единого международного прочтения, существует и в отношении понятия личной безопасности. Пока академические круги разных стран не придут к консенсусу относительно определения и компонентного состава концепции *human security*, сложно будет обосновать ее использование и применение на практике (Бокерия, 2017, с. 322).

¹⁴ См. интервью с А.М. Евстигнеевой в этом номере (*Прим. ред.*).

¹⁵ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

В связи с провалом концепции гуманитарной интервенции возникла необходимость ее трансформации в доктрину «ответственности по защите» (*Responsibility to Protect, R2P*) как «более решительного ответа на самые грубые нарушения прав человека» (Morris, 2015). В то же время концепция R2P создала новую правовую основу для использования силы с целью обоснования военного вторжения, став мощным инструментом влияния западного сообщества, включая посредничество, переговоры, санкции, привлечение международных неправительственных гуманитарных организаций (Bokeriya, 2018). Так, эта западная концепция стала одним из методов ведения прокси-войн и радикальной трансформации самого значения государственного суверенитета. Продвигая концепцию R2P, Запад рассчитывал расширить свою глобальную гегемонию и приспособить деятельность ООН исключительно к реализации его собственных внешнеполитических интересов.

Российская Федерация принимала активное участие в подготовке элементов концепции «ответственности по защите», включенных в Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.¹⁶ Однако, как указывал бывший постоянный представитель РФ в Организации Объединенных Наций В.И. Чуркин, с момента принятия этого документа некоторые государства не оставляют попыток расширительной трактовки концепции. Более того, подходы многих стран в рамках Совета ООН по правам человека и Комиссии по миростроительству также характеризуются политизированностью и стремлением навязать собственные приоритеты, что в значительной степени снижает эффективность работы этих механизмов¹⁷. Поэтому Россия настороженно относилась к R2P и первым попыткам ее реализации — например, к идее создания

экспертной рабочей группы по защите гражданского населения (2008), попыткам произвольной и слишком широкой интерпретации самой концепции (2009), предложениям о формировании специального механизма Совета Безопасности по R2P (2010) (Барановский, 2018, с. 116).

Отсутствие универсальной трактовки и определения миротворческой деятельности способствовало выработке различных подходов к определению ее сущности и содержания, что привело к «политической аберрации миротворческой семантики» (Шамаров, 2020) и намеренной деформации традиционного видения основ миротворчества ООН, противоречащих принципам и целям Устава ООН.

Примечательно, что основные западные подходы к миротворчеству и миростроительству, в том числе концепции, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и широко используемые в практике как национальных силовых акторов, так и международных организаций, вышли из академической среды. На первом этапе они были предметом научных споров исследователей в сфере международной безопасности, однако изначально носили прикладной характер в духе так называемой *policy science*, то есть науки, ориентированной на практическую деятельность. Возникнув в начале 1980-х гг. на основе наработок Копенгагенской школы безопасности, впоследствии в рамках данного направления началась легитимация операций по смене режима под эгидой гуманитарного вмешательства.

Другой пример формирования нового дискурса (а вслед за этим — и новой политико-правовой реальности) относится к сфере международной помощи, тесно примыкающей к проблематике миростроительства. Включение в 2016 г. в число Целей устойчивого развития ООН цели 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития...» (Бартенев, 2015), дальнейшее укрепление концептуальной связи между безопасностью и развитием (*Security — Development Nexus*), отнесение в рамках Комитета содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) части

¹⁶ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 года // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁷ Виталий Чуркин рассказал об ошибках и перспективах ООН // Российская газета. 22.10.2015. URL: <https://rg.ru/2015/10/23/oon.html> (дата обращения: 25.05.2023).

расходов на миротворческие операции к официальной помощи в целях развития — все это привело в дальнейшем к важным практическим изменениям. В частности, произошли секьюритизация международной помощи и стирание грани между программами международного развития и поддержкой вооруженной оппозиции, а также размывание сферы ответственности Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) и СБ ООН.

Секьюритизация международной помощи сопровождалась постепенным переходом ведущих мировых доноров к модели 3D (*Diplomacy, Development, Defence*), когда все три функции (дипломатия, развитие и оборона) становятся инструментом достижения целей национальной безопасности (Дегтерев, 2020, с. 67—68). В начале 2000-х гг. к данной концепции перешли США и Канада, в 2020 г. — де-факто Великобритания (вхождение ответственного за оказание помощи Департамента международного развития в структуру Форин-офис). В январе 2018 г. интегрированный подход к управлению внешними конфликтами и кризисами был институционализирован и в соответствующих решениях Совета ЕС.

Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?

Систематическое нарушение основополагающих принципов и норм Устава ООН и миротворческой деятельности, тенденция к военному решению проблем массового насилия, снижение эффективности разрешения конфликтов позволяет говорить о том, что миротворчество ООН переживает экзистенциальный кризис, теряет свои ориентиры и истинный смысл, находится на перепутье.

Западные эксперты считают «однополярный момент» утраченным «золотым веком» международного миротворчества, когда целые страны были переформатированы, а «либеральная идеологическая ориентация миротворчества стала более эксплицитной» (то есть имплицитно она присутствовала всегда) (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 216). Соответственно, в их трактовке возврат к эпохе 1990—2000-х гг. подразумевается как желательный (но вряд ли осуществимый).

Напротив, Российская Федерация и другие незападные страны тяготеют к идеалам, заложенным в Уставе ООН в предыдущий период стратегической стабильности (Kellett, 1999). Среди них классические принципы миротворчества — согласие сторон (которое способствует сотрудничеству со сторонами конфликта, тем самым сохраняя мир), беспристрастность (отсутствие предпочтений в отношении сторон конфликта и строгое соблюдение мандата операции), неприменение силы, за исключением самообороны и защиты миротворцев (миротворцы действуют с согласия сторон и могут применять силу только в случае самообороны и защиты мандата, в соответствии с нормами международного гуманитарного права). Незападные страны уделяют повышенное внимание проблеме суверенитета в его классической, Вестфальской, трактовке и опасаются вмешательства во внутренние дела (Ribeiro, Mesquita & Lyra, 2021, pp. 209—211).

Важным аспектом миротворческих операций ООН является их ориентация на защиту гражданского населения. В последние годы фактически сформировались три «кластера» такой переориентации: во-первых, это задача обеспечения собственно физической защиты, во-вторых, программы миростроительства, в-третьих, мониторинг прав человека (с особым вниманием к гендерным аспектам, сексуальному насилию и т. д.). Главы сегодняшних миротворческих миссий ООН прямо говорят о том, что их основной и приоритетной задачей является именно защита гражданского населения. Так, об этом заявили в Совете Безопасности ООН глава *Миссии ООН в Южном Судане* (МООНЮС) генерал-лейтенант Мохан Субраманиан, глава миротворческой *Миссии ООН в Демократической Республике Конго* (МООНДРК) генерал-лейтенант Родригес ди Миранда Филью и некоторые другие руководители миротворческих миссий ООН¹⁸.

Российская Федерация занимает в отношении указанной тенденции особую

¹⁸ Security Council, 78th year: 9389th meeting, Friday, 28 July 2023, New York // UN Digital Library. July 28, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4017473> (accessed: 21.08.2023).

позицию. С одной стороны, Россия признает, что защита гражданского населения может быть одним из элементов деятельности миротворческих миссий ООН (и даже «неотъемлемым» элементом), однако, с другой стороны, выступает против того, чтобы данная задача становилась самоцелью миротворчества в целом. Кроме того, Россия ставит под сомнение, что переориентация миротворческих миссий на защиту гражданского населения в качестве приоритетной задачи повышает эффективность этих миссий. Российская Федерация ставит и общий вопрос о необходимости дополнительного осмысления реалистичности мандатов миротворческих миссий ООН по защите гражданского населения¹⁹. Складывается ситуация, когда миротворцам ставятся задачи, которые они просто физически не могут выполнить имеющимися в их распоряжении средствами.

В РФ и других западных странах имеется целый ряд интересных концепций, связанных с восприятием миротворчества, миростроительства и международного порядка (Кавешников, 2023; Мартынов, 2016; *Non-Western Responses to Terrorism*, 2019). Однако необходима операционализация основных положений данных концепций, превращение их из идей *per se* в правоустанавливающие нормы (Acharya, 2016, p. 1158). Так, различные индикаторы эффективности в сфере миротворчества и миростроительства — это лишь «нижний этаж» здания концептуальных теорий. Второй уровень — это так называемые «теории изменений» и государственного строительства, например помощь «демократической оппозиции» или «свободным СМИ» (в западной трактовке)²⁰, механизмы военно-гражданского сотрудничества (Шамаров, 2021, с. 13). В западной трактовке речь должна идти о соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела государства, неделимости границ и территориальной

целостности, уважении существующего политического режима. Наконец, третий (верхний) уровень — это собственно «зонтичные» концептуальные теории (та же R2P).

«Достройка» всех трех вышеописанных концептуальных этажей — это возможность перейти в ранг стран, формирующих международные нормы (*rule-maker*) (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 216). Как представляется, в области миротворчества и миростроительства пока ни одна из западных стран не может претендовать на данный статус, хотя некоторые (в том числе Бразилия, РФ и КНР) не относятся и к безропотным *rule-takers*. Скорее они занимают нишу стран, оказывающих влияние на формирование международных норм (*rule-changers*). Например, в ноябре 2011 г., во время ливийского кризиса, Бразилия предложила концепцию *Responsibility While Protecting*, которая представляет собой мягкую (конструктивную) критику западной концепции R2P.

Фактически речь идет об «умеренном ревизионизме» восходящей державы как попытке играть более важную роль в глобальном нормотворчестве (Ribeiro, Mesquita & Lyra, 2021, p. 209). Во многом это соответствует установкам периферийного реализма К. Эскуде (Еремин, 2021), то есть острота критики западных подходов миротворчества возрастает по мере укрепления субъектности самой страны — разработчика концепции. Например, для КНР сравнительная важность соблюдения суверенитета при проведении миротворческих операций выше, чем для Бразилии (Ribeiro, Mesquita & Lyra, 2021, p. 221). КНР концептуализировала свои подходы, опубликовав в 2020 г. Белую книгу «Вооруженные силы Китая: 30 лет участия в миротворческих операциях ООН»²¹. Российские эксперты также выступают за необходимость концептуализации подходов РФ к миротворческой деятельности, разработке

¹⁹ Security Council, 78th year: 9389th meeting, Friday, 28 July 2023, New York // UN Digital Library. July 28, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4017473> (accessed: 21.08.2023).

²⁰ См. статью в А.Н. Богданова в этом номере (*Прим. ред.*).

²¹ Full Text: China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations // The State Council Information Office of the People's Republic of China. September 18, 2020. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS5f6449a8c6d0f7257693c323.html (accessed: 21.05.2023).

ее доктринальных основ (Шамаров, 2021, с. 11; 2022а).

Отдельное направление в развитии незападного академического дискурса связано с проработкой статуса так называемых несостоявшихся государств (*failed states*) или государств-изгоев (*rogue states*). По западной (в первую очередь американской) терминологии, это страны, которые не соблюдают «порядок, основанный на правилах» (*на правилах США*), ввиду чего все «цивилизованное человечество» просто обязано исключить их из международного общения, превратив в государства-изгой XXI в. К ним относятся такие государства, как Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Иран, Мьянма, Венесуэла, Куба, Сирия, Судан, Мали, ЦАР и др. В отношении этих государств введены санкции, заморожены счета в международных банках, поставлена под сомнение легитимность национального руководства. Основная причина указанного — нежелание правительств данных стран подчиняться западной гегемонии и навязываемым им правилам.

Между тем указанные страны являются одними из наиболее активных сторонников формирования многополярного мира. Возникает вопрос концептуальной проработки статуса данных стран в международно-политической науке, имеющего нейтральную (например, «*подсанкционные*») или даже умеренно-позитивную коннотацию («*подлинно суверенные, не подвластные западной гегемонии*»).

В более широком теоретическом плане встает вопрос разработки альтернативных, незападных методик оценки состоятельности и стабильности государств, позволяющих «не навешивать ярлыки» на неугодные «коллективному Западу» страны и управлять ими через международные рейтинги (Иванов, 2015), а объективно оценивать их уровень внутриполитической стабильности и социально-экономического прогресса. Например, за последние годы возросло позитивное восприятие РФ как провайдера безопасности в ЦАР, однако необходимы непредвзятые, в том числе количественные, оценки, позволяющие наглядно проиллюстрировать социальный

прогресс, достигнутый при поддержке РФ в данной стране²². Прообразом такого межстранового рейтинга может служить Индекс государственности — одна из составляющих в рамках проекта *Политический атлас современности*, реализованного в 2005—2007 гг. в МГИМО МИД России (Политический атлас современности..., 2007). Необходимо более активная концептуальная проработка такого рода проектов с широким вовлечением академического сообщества из РФ и других незападных стран.

От псевдоуниверсальности к учету региональных прав человека

Как уже отмечалось, мониторинг соблюдения прав человека в контексте защиты гражданского населения — это важный элемент миротворческих операций. Не менее важную роль правозащитная проблематика играет и в контексте постконфликтного миростроительства, в том числе правосудия переходного периода. Неслучайно Генеральный секретарь ООН К. Аннан отмечал необходимость «уделять одинаковое внимание трем высоким целям» ООН: развитию, безопасности и правам человека²³.

В преамбуле Устава ООН, принятого с учетом последствий Второй мировой войны, подчеркивается важность утверждения «веры в основные права человека» для избавления «грядущих поколений от бедствий войны»²⁴. Таким образом, права человека были практически выведены из-под национальной юрисдикции и перешли в универсальную (Карташкин, 2009, с. 81). Международное сообщество в лице ООН стало определять их содержание путем разработки и принятия международных правовых норм в рамках девяти²⁵ основных

²² См. статью А.Л. Бовдунова в этом номере (*Прим. ред.*).

²³ Представление доклада «При большей свободе» // Генеральный секретарь ООН. 21.03.2005. URL: https://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2005/largerfree_dom.shtml (дата обращения: 26.05.2023).

²⁴ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

²⁵ Договоры в области прав человека // ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-listings> (дата обращения: 26.05.2023).

конвенций (Карташкин, 2009; 2015; Абашидзе, 2010).

Первый универсальный документ в области прав человека — Всеобщая декларация прав человека²⁶ (ВДПЧ) — был принят в результате компромисса между социалистическим лагерем во главе с СССР и капиталистическим блоком, возглавляемым США и их сателлитами (Карташкин, 2009; Дегтерев, 2013). Несмотря на возражение СССР и его союзников по поводу содержания ВДПЧ, страны социалистического лагеря не стали голосовать против ее принятия, а воздержались ради достижения компромисса между двумя блоками (Humphrey, 1983, p. 433). Саудовская Аравия уже тогда возражала против ВДПЧ по религиозным соображениям, в частности против ст. 18 о праве менять религию, которая противоречила нормам Корана (Humphrey, 1983, p. 435).

Однако наибольшие возражения со стороны представителей стран Азии и Африки относительно положений ВДПЧ связаны с тем, что на момент разработки и принятия Декларации (1948 г.) большинство данных государств еще находились под колониальным господством и просто не могли высказать свое мнение по содержанию данного «универсального документа». Сегодня большинство этих стран в той или иной степени выступает против концепции универсальности прав (Аду, 2012), поскольку она стала поводом для вмешательства во внутренние дела государств Глобального Юга со стороны Запада с целью доминирования (Kane, 2003). Во времена «однополярного момента» «коллективный Запад» устанавливал правила игры вплоть до «деконструкции» отдельных незападных стран «во имя гуманитарных соображений» (Mount, 2018).

Незападные страны стараются формировать свои концепции прав человека с учетом религии, культуры, традиций, иных социальных норм и ценностей. На сегодняшний день выделяются три основные региональные системы (концепции) защиты прав человека,

²⁶ Всеобщая декларация прав человека // ООН. 10.12.1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.05.2023).

основанные не только на универсальных подходах, но и учитывающие специфику отдельных регионов мира (Using the UN Human Rights System..., 2017). Это Европейская система защиты прав человека, созданная на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.²⁷, Межамериканская система защиты прав человека, инициированная на основании Конвенции по правам человека 1969 г., и Африканская система защиты прав человека и народов на основе Хартии прав человека и народов 1986 г.²⁸ Помимо основных региональных систем защиты прав человека формируются также азиатская²⁹ и исламская³⁰ системы защиты прав человека.

Тенденция к регионализации прав человека, получившая развитие после обретения независимости большинством стран Азии Африки в 1960—1970-е гг. (Cavallaro & Brewer, 2008), связана с феноменом *культурного релятивизма* (Donnelly, 1984). Если инструменты европейской концепции прав человека являются логическим продолжением универсальной концепции, то африканская, межамериканская, азиатская и исламская концепции основываются на иных подходах. Так, арабская концепция прав человека строится на нормах шариата (Аль Али, 2015), что вызывает ее резкое неприятие со стороны западных стран.

Африканская идеология прав человека не отделяет индивида от общества и предполагает, что права индивида должны быть соотношены с общественной гармонией. Это нашло

²⁷ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Совет Европы. 1950. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 26.05.2023).

²⁸ African Charter on Human and Peoples' Rights // African Union. 1986. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36390-treaty-0011_-_african_charter_on_human_and_peoples_rights_e.pdf (accessed: 26.05.2023).

²⁹ ASEAN Human Rights Declaration // ASEAN. November 19, 2012. URL: <https://asean.org/asean-human-rights-declaration/> (accessed: 26.05.2023).

³⁰ The Cairo Declaration of the Organization of Islamic Cooperation on Human Rights // Organization of Islamic Cooperation. 1990. URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/en/CDHRI_2021_ENG.pdf (accessed: 26.05.2023).

свое отражение в африканских философских идеях, в том числе в убунту (Waghid, 2014; Sharma, 2013). Убунту предполагает, что человек существует лишь по отношению к другим. Во время встречи президента РФ с лидерами африканских стран в июле 2023 г. В.В. Путин процитировал африканскую поговорку: «Хочешь идти быстро — иди один, хочешь далеко идти — идите вместе»³¹, что полностью вписывается в философию убунту. Коллективный подход к правам человека отражен в Африканской хартии прав человека и народов 1986 г., как следует из названия самого документа.

В настоящее время универсальная концепция исчерпала свой потенциал не только в силу формирования многополярного мира и нарастания противоречий с региональными подходами, но и потому, что западные страны сами не в состоянии соблюдать проповедуемые ими «универсальные» ценности. Особенно это стало заметно в последние годы, когда в массовом порядке стали нарушаться права на частную собственность, недискриминацию по национальному признаку и др. После начала СВО собственность многих россиян в странах «коллективного Запада» была арестована или изъята по национальному признаку³² под предлогом «незаконного приобретения имущества или обогащения»³³, что тоже противоречит основным универсальным нормам по правам человека. Конфискация имущества граждан незападных стран или

государственной собственности происходит в нарушение действующих международных правовых норм, в том числе иммунитета государственной собственности³⁴. Таким образом, западные страны не только дискредитируют себя по отношению к установленным ими же правилам, но и демонстрируют, что они не являются надежными партнерами, с которыми можно иметь дело, поскольку трактуют права человека так, как выгодно им.

Вместе с тем наблюдаются практические сложности поступательного развития региональных систем по правам человека. Для этого требуются серьезные финансовые и интеллектуальные ресурсы, которые все эти годы направлялись преимущественно (например, через систему грантов и академических стипендий) на продвижение исключительно западноцентричной системы прав человека, несмотря на ее эрозию.

Заключение

На этапе «властного транзита» (перехода мирового политического и экономического влияния от Запада к не-Западу) наблюдается кризис западноцентричной модели международного миротворчества, несмотря на то, что страны «коллективного Запада» по-прежнему обладают целым арсеналом инструментов влияния в системе ООН, а также дискурсивной гегемонией. В этом контексте возрастает актуальность концептуальной проработки западных подходов к миротворчеству и миростроительству в контексте построения многополярного мира. Исходя из культурных, политических и языковых различий между государствами и регионами необходима дальнейшая проработка терминологии миротворческой деятельности на основе международных принципов и норм, закрепленных в Уставе ООН.

³¹ Путин африканской поговоркой охарактеризовал свое видение развития отношений с Африкой // ТАСС. 27.07.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18386701?ysclid=llsb2ur0cv430400808> (дата обращения: 28.07.2023).

³² Fossum S. US and Its Allies Have Frozen More Than \$58 Billion from Russian Oligarchs // CNN. March 9, 2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/09/politics/russian-oligarchs-frozen-repo/index.html> (accessed: 27.08.2023).

³³ La France Rend Opérationnel Son Mécanisme de Restitution des “Biens Mal Acquis” // France Diplomatie. Juin 2023. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/developpement/la-france-rend-operationnel-son-mecanisme-de-restitution-des-biens-mal-acquis/> (accessed: 27.07.2023).

³⁴ Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности // ООН. 02.12.2004. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (дата обращения: 27.08.2023). См. также: (Stewart, 2005).

Поступила в редакцию / Received: 21.07.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 20.08.2023
Принята к публикации / Accepted: 11.09.2023

Библиографический список

- Абашидзе А. Х.* Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов. Москва : РУДН, 2010.
- Аду Я. Н.* Концепция универсализации международного права прав человека и позиции развивающихся стран: дис. ... канд. юр. наук. Москва : РУДН, 2012.
- Аду Я. Н., Мезяев А. Б.* Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // *Вестник международных организаций*. 2023. Т. 18, № 1. С. 170—189.
- Аль Али Н. А. Р.* Защита прав и свобод человека в арабских странах. Москва : Кнорус, 2015.
- Амара Д., Дегтерев Д. А., Эгамов Б. Х.* «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2. С. 76—101.
- Барановский В. Г.* Россия: эволюция взглядов на «ответственность по защите» // *Пути к миру и безопасности*. 2018. № 1 (54). С. 115—128. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-115-128>
- Бартенев В. И.* Включение проблем мира, безопасности и качества управления в Глобальную повестку дня устойчивого развития на период до 2030 г.: анализ хода и содержания международных переговоров // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10, № 3. С. 7—32. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-03-07>
- Бокерия С. А.* Концепция личной безопасности в практике ООН // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17, № 2. С. 312—324. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324>
- Бокерия С. А.* Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Бокерия С. А., Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Дубровский И. Р., Журавлева Е. В. и др.* Советские исследования неокOLONиализма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 4. С. 671—687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>
- Вершинина В. В., Колдунова Е. В., Куклин Н. С.* Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 265—277. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>
- Грачиков Е. Н., Сюй Хайянь.* КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17, № 1. С. 7—24. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-01>
- Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О.* Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 4 (116). С. 50—78. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03>
- Давыдов Ю. П.* Норма против силы. Проблемы мирорегулирования. Москва : Наука, 2002.
- Дегтерев Д. А.* Африканский континент как полюс притяжения: вопросы солидарности и соперничества // *Проблемы национальной стратегии*. 2023. № 3 (78). С. 256—273. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_256
- Дегтерев Д. А.* Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов (часть 1) // *Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации»*. 2013. № 3. С. 59—67.
- Дегтерев Д. А.* Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 352—371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>
- Дегтерев Д. А.* Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия // *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2020. Т. 12, № 1. С. 57—86. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-57-86>
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 2. С. 210—231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Дубровский И. Р., Худайкулова А. В.* Миротворческая деятельность как инструмент развития потенциала Народно-освободительной армии Китая // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2 (71). С. 102—125.
- Еремин А. А.* Периферийный реализм Карлоса Эскуде // *Ибероамериканские тетради*. 2021. Т. 9, № 1. С. 50—61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>
- Загорский А. В.* Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. Москва : ИМЭМО РАН, 2015.
- Заемский В. Ф.* Механизмы ооновского миротворчества // *Международная жизнь*. 2004. № 7—8. С. 198—211.

- Иванов В. Г. “Charts power” — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технология использования и стратегии противодействия. Москва : Инфра-М, 2015.
- Кавешников Н. Ю. Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992—2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 215—227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>
- Карташкин В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. Москва : Норма, 2015.
- Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. Москва : Норма, 2009.
- Любимов А. П., Шамаров П. В. Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. № 3 (194). С. 17—24. https://doi.org/10.54449/20739532_2022_3_17
- Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. Т. 1. Москва : МГУ, 1996.
- Мартынов Б. Ф. Страны БРИКС и концепции международного права // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1 (44). С. 26—37. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.2>
- Мезяев А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Кн. 1: Обвинительная часть. Казань : Титул-Казань, 2006.
- Миротворчество и миролюбие в Африке. К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. Москва : Весь мир, 2019.
- Никитин А. И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 3. С. 16—26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-3-16-26>
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / под ред. А. Ю. Мельвиля. Москва : МГИМО-Университет, 2007.
- Ранджбар Д., Чикризова О. С. «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 278—295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>
- Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275.
- Сысоева Р. В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 241—252. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252>
- Хонрада Г. Дж. П., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253—264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264>
- Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 109—126. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-109-126>
- Худайкулова А. В. Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций? // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4 (47). С. 67—79. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.5>
- Худайкулова А. В. Эффективность международной системы защиты прав человека в контексте украинского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 39—46.
- Шамаров П. В. Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022а. № 2. (71). С. 14—34.
- Шамаров П. В. Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане: первые итоги, уроки и выводы // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022б. № 5—6 (196—197). С. 22—35. https://doi.org/10.54449/20739532_2022_5-6_22
- Шамаров П. В. О необходимых политико-правовых документах в сфере миротворческой деятельности Российской Федерации // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 3—4 (14—15) С. 6—19. https://doi.org/10.54449/76585_2021_3-4_14-15_6
- Шамаров П. В. Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 4 (179). С. 38—43.

- Шевчук Н. В.* Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>
- Acharya A.* ‘Idea-shift’: How Ideas from the Rest are Reshaping Global Order // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37, no 7. P. 1156—1170. <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1154433>
- Badache F., Hellmüller S., Salaymeh B.* Conflict Management or Conflict Resolution: How Do Major Powers Conceive the Role of the United Nations in Peacebuilding? // *Contemporary Security Policy*. 2022. Vol. 43, no 4. P. 547—571. <https://doi.org/10.1080/13523260.2022.2147334>
- Benner T.* Brazil as a Norm Entrepreneur: The “Responsibility While Protecting” Initiative // GPPi Working Paper. No. 3. P. 1—11. Berlin: Global Public Policy Institute, 2013. URL: https://www.gppi.net/media/Benner_2013_Working-Paper_Brazil-RWP.pdf (accessed: 20.05.2023).
- Bokeriya S. A.* R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia) // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18, no 4. P. 955—964. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964>
- Cassin K., Zyla B.* UN Reforms for an Era of Pragmatic Peacekeeping // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no 3. P. 294—312. <https://doi.org/10.1080/17502977.2022.2158427>
- Cavallaro J. L., Brewer S. E.* Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // *The American Journal of International Law*. 2008. Vol. 102, no. 4. P. 768—827. <https://doi.org/10.2307/20456681>
- Degterev D. A.* Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no 3. P. 404—419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Dieng M.* The Multi-National Joint Task Force and the G5 Sahel Joint Force: The Limits of Military Capacity-Building Efforts // *Contemporary Security Policy*. 2019. Vol. 40, no 4. P. 481—501. <https://doi.org/10.1080/13523260.2019.1602692>
- Donnelly J.* Cultural Relativism and Universal Human Rights // *Human Rights Quarterly*. 1984. Vol. 6, no. 4. P. 400—419. <https://doi.org/10.2307/762182>
- Dunton C., Laurence M., Vlavonou G.* Pragmatic Peacekeeping in a Multipolar Era: Liberal Norms, Practices, and the Future of UN Peace Operations // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no 3. P. 215—234. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2217579>
- Fung C. J.* Peace by Piece: China’s Policy Leadership on Peacekeeping Fatalities // *Contemporary Security Policy*. 2022. Vol. 43, no 4. P. 572—593. <https://doi.org/10.1080/13523260.2022.2102735>
- Humphrey J. P.* The Memoirs of John P. Humphrey, the First Director of the United Nations Division of Human Rights // *Human Rights Quarterly*. 1983. Vol. 5, no. 4. P. 387—439. <https://doi.org/10.2307/762229>
- Jackson R. H., Rosberg C. R.* Why Africa’s Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // *World Politics*. 1982. Vol. 35, no 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.2307/2010277>
- Kane J.* American Values or Human Rights? U.S. Foreign Policy and the Fractured Myth of Virtuous Power // *Presidential Studies Quarterly*. 2003. Vol. 33, no. 4. P. 772—800. <https://doi.org/10.1046/j.0360-4918.2003.00084.x>
- Karlsruud J.* ‘Pragmatic Peacekeeping’ in Practice: Exit Liberal Peacekeeping, Enter UN Support Missions? // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no 3. P. 258—272. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2198285>
- Kellett A.* Soviet and Russian Peacekeeping 1948—1998: Historical Overview and Assessment // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1999. Vol. 12, no 2. P. 1—47. <https://doi.org/10.1080/13518049908430389>
- Khudaykulova A. V.* China as an Emerging Actor in Conflict Management: From Non-Interference in Internal Affairs to “Constructive” Engagement // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 3. P. 420—431. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431>
- Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70, no 1. P. 23—33.
- Levin A.* Non-Democratic Regimes and Participation in UN Peacekeeping Operations // *International Peacekeeping*. 2023. Vol. 30, no 1, P. 97—127. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2160712>
- Mine Y.* The Global Demographic Change and Africa — Asia Relations: Beyond Big Power Summits // *Africa and the Formation of the New System of International Relations* : Vol. II: Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-Pandemic World / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 37—51. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34041-3_3
- Morris J.* The Responsibility to Protect and the Use of Force: Remaking the Procrustean Bed? // *Cooperation and Conflict*. 2015. Vol. 51, no 2. P. 200—215. <https://doi.org/10.1177/0010836715612852>

- Mount G.* Hybrid Peace/War // *Hybridity on the Ground in Peacebuilding and Development: Critical Conversations / ed. by J. Wallis et al.* Canberra : ANU Press, 2018. P. 203—216. <https://doi.org/10.22459/HGPD.03.2018.12>
- Non-Western Responses to Terrorism / ed. by M. J. Boyle.* Manchester : Manchester University Press, 2019.
- Paris R.* The Past, Present, and Uncertain Future of Collective Conflict Management: Peacekeeping and Beyond // *Journal of Intervention and Statebuilding.* 2023. Vol. 17, no. 3. P. 235—257. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2170546>
- Ribeiro M., Mesquita R., Lyra M.* “The Use of Force Should Not Be Our First, But Our Last Option” — Assessing Brazil’s Norm-Shaping Towards Responsibility to Protect // *Global Society.* 2021. Vol. 35, no 2. P. 207—228. <https://doi.org/10.1080/13600826.2020.1765741>
- Sharma V.* African Ethics and Morality: An Alternative Paradigm for Modernity // *India International Centre Quarterly.* 2013. Vol. 40, no. 2. P. 113—124.
- Stewart D. P.* The UN Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property // *The American Journal of International Law.* 2005. Vol. 99, no. 1. P. 194—211. <https://doi.org/10.2307/3246098>
- Strange S.* States and Markets. New York : Continuum, 2004.
- Using the UN Human Rights System to Advocate for Access to Palliative Care and Pain Relief. New York : Open Society Foundations, 2017.
- Vasiliev A. M., Degterev D. A., Shaw T. M.* African Summitry: Representation of “External Other” in the “Power Transit” Era // *Africa and the Formation of the New System of International Relations : Vol. II: Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-Pandemic World / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw.* Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 1—16. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34041-3_1
- Waghid Y.* African Philosophy of Education as a Response to Human Rights Violations: Cultivating Ubuntu as a Virtue in Religious Education // *Journal for the Study of Religion.* 2014. Vol. 27, no. 1. P. 267—282.
- Welz M.* Institutional Choice, Risk, and Control: The G5 Sahel and Conflict Management in the Sahel // *International Peacekeeping.* 2022. Vol. 29, no 2. P. 235—257. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2031993>

Сведения об авторах: Аду Яо Никэз — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8696-0181; e-mail: adu-ya@rudn.ru

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич — доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор; ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН; профессор, департамент международных отношений, НИУ ВШЭ; профессор, кафедра мировой экономики, МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-7426-1383; e-mail: ddegterev@hse.ru

Мезяев Александр Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедра конституционного и международного права, Университет управления «ТИСБИ»; главный редактор, «Казанский журнал международного права и международных отношений»; ORCID: 0000-0002-5318-3029; e-mail: alexmezyaev@gmail.com

Шамаров Павел Вячеславович — доктор политических наук, кандидат военных наук, доцент, профессор, Академия военных наук Российской Федерации; e-mail: pvs291189@gmail.com